

Надя Вафф
По совести

Надя Вафф

По совести

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=45562021

ISBN 9785005051073

Аннотация

Есть люди, в которых влюбляешься мгновенно и любишь их до конца дней своих. Их нельзя просто так взять и вычеркнуть из жизни, словно неудачную фразу из гениального романа. Им нельзя найти замену. Так что же это за люди, что в них такого особенного? Ответ прост: они – те, кто идут по жизни рука об руку с собственной совестью вопреки всему.

Содержание

ЗА 101-ЫМ КИЛОМЕТРОМ	5
РОЖДЕНИЕ	7
ШКОЛА	13
МАЛОЛЕТКА	15
АРМИЯ	19
ПО ДОРОГЕ ДОМОЙ	21
ЖЕНИТЬБА	29
Конец ознакомительного фрагмента.	36

По совести

Надя Вафф

*Толику, Сане маленькому, Юрасу, Сашке
большому, Ольге, братану Колюхе... и всем тем,
чьих наречённых имён не знаю, да и не знала
никогда, а клички так затёрты и обезличены,
что нет смысла их все перечислять... всем им,
познавшим суму и тюрьму, но сумевшим сохранить
Человеческие Лица...*

© Надя Вафф, 2019

ISBN 978-5-0050-5107-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЗА 101-ЫМ КИЛОМЕТРОМ

Был Григорий одним из тех зэков, кому после освобождения на руки выдали бумажку, в которой значилось, что проживать в Москве, по старому месту жительства он больше не имеет права. Вместо этого ждёт его прописка за 101-ым километром. Самому Гришке, сказать по совести, было всё равно где селиться, а вот Аньке – его нынешней зазнобе – наверняка, это должно было не понравиться. Так думал Гришка, распихивая по карманам свой нехитрый скарб – старые дедовские часы с малость поржавевшей крышкой да документы, выданные ментами при освобождении. Анна, на удивление, ничего не сказала, только вздохнула горестно и отправилась вслед за суженым. В дороге к месту их поселения выяснилось, что она беременна. «Вот как раз соплей мне и не хватало!» – чертыхнулся про себя Григорий, но вслух говорить ничего не стал, только криво ухмыльнулся, вспомнив коронную фразу Сагала, соседа по камере – «Поздно пить „Боржоми“, коль почки отвалились».

Поселили Григория с Анной в комнате размером девять квадратных метров, с «удобствами» на улице – деревянный перекошенный сортир, который словно сторожевая башня, возвышающаяся на пригорке, находился на приличном расстоянии от их нового жилища. В барачном коридоре смачно воняло свежим перегаром и керосином от коптившего рядом

с соседней дверью керогаза.

– Гришенька, как же мы тут уютиться-то будем с ребёнком? – тихо спросила Анна, присев на скрипучую отвисшую сетку поржавевшей железной кровати, оставленной, видимо, бывшими жильцами.

– А ты что думала, тут тебя хоромы ждут? Надо было прикинуть для начала куда едешь. Если чего не нравится – я не держу, – ответил Григорий и ушёл знакомиться с «местной братвой». Вернулся лишь на третий день, заросший, злой и изрядно подвыпивший. На Анну даже не глянул, упал на кровать, повернулся лицом к стене и уснул.

И потекло для Анны время, словно неспешная равнинная речка.

РОЖДЕНИЕ

Народившегося по весне малыша называли Анатолием. К Новогодним праздникам мальчонка уже неуверенно шлёпал по дощатому полу, мытому Анной ежедневно. Григорий внимания на сынишку не обращал вовсе, словно и не было мальчика в его жизни. Возвращаясь домой с каждым днём всё позднее и позднее, он садился за стол и подолгу хмуро глядел на улицу. «Чего ты видишь там, Гриша? – спрашивала его Анна. – Темно же, ничего не разглядеть». Григорий отрывал хмурый взгляд от окна и огрызался, мол, не её это, Анькино, дело. Анна замолкала, уходила в себя, ложилась на топчан, прижимала к груди спящего сына, и тихо плакала о своём несбывшемся замужнем счастье. Так продолжалось изо дня в день, из года в год. Толик тем временем рос...

Однажды Григорий пропал. Дома с неделю не появлялся. Анна по мужу не горевала, не искала его. Долгие зимние вечера проводила в компании с Толиком и соседкой Натальей. Женщины вязали, а Толик бегал по комнате с деревянным пистолетом, время от времени выскакивал на середину, кричал громко и пронзительно: «Руки вверх». Женщины смеялись, откладывали в сторону вязание и поднимали руки.

– Ань, я вчера в магазине в очереди стояла, слышала, что в городе сберкассу грабанули.

– От кого слыхала? – без интереса спросила Анна.

– Бабы за спиной шушукались, – пожала плечами Наталья. – Ань, а если Гришка потому домой и не идёт? А?

– Знать ничего не хочу, – твёрдо ответила Анна.

– А если вовсе не придёт? – пыталась соседку Наталья.

– Чёрт с ним, лучше бы и не приходил, – в сердцах ответила ей Анна. – Если мы ему не нужны, то и он нам не нужен. Да и не хочу я о Гришкином житье-бытье думать, мне Толика поднять надо.

– Может тебе в Москву, к родителям, вернуться? – предложила Наталья.

– А ты откуда узнала, что я москвичка? Я, вроде, тебе не рассказывала.

– Ой, Анька, нашла чего скрывать. Тут доносчик на доносчике сидит и доносчиком погоняет.

– Плохие твои доносчики, – огрызнулась Анна.

– Это ещё почему?

– Потому как не всё до тебя донесли, оттого и задаёшь глупые вопросы.

Наталья замолчала, принялась сосредоточенно вязать носок. Анна поглядела на сына, который сидел на полу и тёр кулаками глаза.

– Всё, расходимся. Спать пора. Завтра довяжем.

Уходя, Наталья остановилась у двери и обернулась. Смерила соседку взглядом и проворчала:

– Скрытная ты больно, Анька. Зря ты так. Одиночкой

сложно в волчьем логове выжить. Поймёшь рано или поздно, придётся к какой-нибудь стае прибиться. Не ошибись только.

Григорий явился домой через месяц. Рано поутру постучал в окошко. Анна вздрогнула во сне, но не испугалась, словно сердцем почуяла, что не чужой человек за окном притаился. Не зажигая свет, шторку отдернула. Григорий махнул ей рукой, мол, открывай. Словно ловкий форточник, он ввалился в дом через окно. В сторону жены даже не поглядел, вместо «здравствуй» только и прошипел:

– Уйду, дорожку за мной почисти.

– Это ещё зачем? – не поняла Анна.

– Следов чтобы не было, дура! И про мой визит молчи.

Сдашь мусорам – убью. Вкурила?

Слово «дура» неприятно резануло слух, отвыкла Анна за долгое время отсутствия мужа к такому обращению. Толик, спавший на топчане, проснулся, закапризничал.

– Пацана заткни, меня слушай, – командным тоном приказал Григорий. – Пожрать собери и бабки, все что есть, давай!

– Да, какие деньги, Гриша, откуда им взяться?! Вчера у Наташки в долг взяла, чтобы Толику валенки купить, так теперь думаю, как отдать?

– Ты чего, не поняла что ли? Ты мне про какие валенки тут гонишь? Я же сказал, что мне харчи нужны и бабки, чтобы

залечь.

– Знаешь что, Гришенька, – Анна вдруг почувствовала, что её боязнь перед мужем куда-то внезапно делась, испарилась, пропала. Неудержимая злость нахлынула на неё, словно волна на берег, и накрыла с головой, – иди ты лесом! Собирай свои вещички и чтобы я больше ноги тут твоей не видала. Забудь про нас. Считай, что не было у тебя никогда ни жены, ни сына. Понял?! Пошёл вон!

– Да я тебя, лярву... – Григорий замахнулся и ударил Анну так, что она, не ожидавшая такого удара, отлетела в сторону, словно пушинка и, ударившись о стену, беспомощно сползла по ней. Перед глазами замельтешили мушки, в голове стоял безумный звон. Сквозь этот звон, где-то вдалеке, Анна услышала, как закричал маленький Толик: «А-а-а-а!» Григорий повернулся к жене спиной, занёс сжатый кулак над сыном и с тихим стоном рухнул, словно скошенный под корень осот.

– Вот тебе... Вот тебе... Сволочь... Дрянь... Ненавижу, ненавижу, ненавижу... – Анна, крепко сжимая в руке кухонный нож, наносила мужу удар за ударом. Ещё, ещё, ещё... С каждым новым ударом отступала боль, остывала жгучая ненависть, сходила на нет злость. Когда к ней вернулось самообладание, Анна наконец-то услышала, как, не переставая кричит Толик, забившись в угол, как барабанит в закрытую на щеколду дверь соседка. Всё ещё на ватных ногах она дошла до двери, распахнула её и предстала перед Натальей

вся забрызганная кровью, с безумным взглядом синих глаз. Наталья, многое на своём веку повидавшая, быстро закрыла за собой дверь и бросилась первым делом к орущему Толику.

– Тише, успокойся Толечка. Мамка с папкой подрались паразиты, совсем запугали пацана. Мы с тобой сейчас ко мне пойдём. Хочешь?

– Ма... – Толик больше не кричал, он размазывал ладонками кровь и слёзы у себя по лицу и глядел на мать.

– Иди к маме, пожалей мамку, – Наталья подтолкнула Толика к сидящей на полу Анне и обратилась к соседке. – Пацана успокой и... что-то надо делать...

– Ментов зови, – тихо, но уверенно, сказала Анна. Она обняла Толика, прижала его к себе и зашептала ему в ухо: – Ты ничего не бойся, сынок, мамка тебя в обиду никому не даст.

– Ань, ты погоди горячку-то пороть, явку с повинной всегда успеешь оформить. Гришка-то твой в бегах, об этом даже участковый знает. Может нам...

– Отчаянная ты, Наташка, ох, отчаянная! Только мне полюбому не жить. От правосудия, может, и уйду, а вот от Мэнюни не скроюсь, это точно. Я тебе никогда не рассказывала, что у Гришки полюбовница авторитетная, – Анна замолчала, словно подбирала нужные слова, потом добавила: – Была. И любовь у них тоже была. Гришка за ней таскался, как хвост за собакой. Все деньги ей на цацки спускал.

– Ты про это разговор сейчас зачем завела?

– Достанет она меня, Наташка. Отомстит за Гришку, как

пить дать. У них месть – это святое. А мне выжить надо, Тольку поднять.

– Ань, как же ты мальчика из тюрьмы подымать будешь?

– Не знаю. Пока не знаю. Просьбу мою исполнишь? Я тебе телефончик сейчас черкну и записочку. Позвони сестре моей Фимке, расскажи про меня. Когда приедет, записку ей передай. А Толик пусть у тебя пока побудет. Сделаешь?

– Сделаю, Анька, – Наталья поглядела на притихшего Толика. – А если сестра не приедет?

– Приедет. И Толика заберёт, не сомневайся.

Милиция явилась быстро. Протоколы, понятые, допросы-вопросы... И началась у Анны с Толиком совсем другая жизнь.

ШКОЛА

Школа на посёлке была своя. В ней учились исключительно местные дети до пятого класса. На шестой год тех, кто отличился в учёбе и поведении, переводили в другую школу, что находилась в городе. Остальных неблагополучных определяли в интернат с правом приходить домой по выходным дням.

Накануне Толиного дня рождения к Серафиме пришла учительница, у которой Толик учился все пять лет, и завела такой разговор:

– Пора определяться, Серафима, куда мальчика отправлять будем.

– А чего тут определяться? Ясен пень – в интернат!

– Я бы на твоём месте не торопилась так, Серафима. Толик к наукам способный. Да и тихий он мальчик, кроткий. Видела бы ты, какие оторвы с ним в одном классе учатся, может по другому рассудила бы. Так ты же ни разу на собрание не пришла.

– Ты, Антонина Сергеевна, меня собраниями не упрекай. Собрание вы для кого собираете? Для родителей. Я же Толика не рожала, я к нему опекуном согласилась только потому, что это последняя Анькина просьба была. Так-то, давно бы малой в детдоме был. Вот скоро Анька вернётся, пусть то-

гда и решает, где ему доучиваться. Моё же слово – в интернат. Нечего ему в городе делать. У него родители сиделые. Вдруг и он чего выкинет? Кто тогда за него отвечать будет? Я? А оно мне надо? Вот то-то же... Да и, если по сердцу рассудить, не приживётся он там. Не пустят его городские интеллигенты в свою компанию. Придётся ему из кожи вон лезть, чтобы его за своего приняли, изворачиваться. А если случится извернуться не так? Что тогда? Тюрьма... Видишь, Антонина Сергеевна как складывается – куда ни пойдёшь, а выхода нет. Определяй Толика в интернат.

МАЛОЛЕТКА

Время летело чередой: лето за весной, зима за осенью. Толик жил в интернате постоянно, даже на выходные перестал навещать дом. Серафима не настаивала, уезжала надолго в Москву, и лишней раз не искала встречи с племянником. Толик ждал возвращения матери из тюрьмы, считал дни до её освобождения.

Весной, накануне своего шестнадцатилетия, Толик с Сиплым – соседом по комнате – отправились за черёмухой. Приближались майские праздники, и нужно было где-то раздобыть охапку «белой пахучки», обещанную директору интерната для возложения к местному мемориалу. За ними увязался Киря Толстый. Он долго висел на интернатовском заборе, пытаясь «лихо перемахнуть» через него, потом, под громкий смех Сиплого, просто перевалился на другую сторону и произнёс:

– Хорош ржать, пора тикать. Ты, Сиплый, рот свой закрой, я ведь могу и вальцануть.

– Да, ладно тебе, Киря, не обижайся, – попытался заступиться за Сиплого Толик. Толстого в интернате побаивались. Несмотря на его неуклюжесть, удар у Кири был мощный, выверенный. Отец Толстого получил на зоне кличку Деловой, и был в большом авторитете, поэтому с Кирей старались не связываться. – Сиплый, он по жизни смешливый.

– А ты за него не впрягайся, – процедил сквозь зубы Толстый. – За себя лучше мазу держи.

По дороге шли молча. Когда поравнялись с магазином, Сиплый вдруг проговорил:

– Эх, сейчас бы чекушку, да Светку на дачке потискать.

– А мне бы лучше мороженого кофейного, – вздохнул Толик, над чем Сиплый снова загоготал.

– Опять зубоскалишь, сявка? – цыкнул Толстый и зыркнув в сторону Толика ослабилась. – Ты ещё о кашке манной с молочком помечтай!

– А что? – серьёзно проговорил Толик. – Я и от каши манной не откажусь. Особенно от той, которой меня мамка в детстве кормила.

– А тебе сейчас слабо, – Толстый внезапно остановился и перекрыл Толику дорогу, – взять хотя бы вон тот камень, запулить его в окно магазина, а потом быстренько туда кинуться и сдёрнуть мороженку.

– Да, я... – замялся Толик.

– Что, стремишься?

– Отчего же, – Толик понял, что Толстый не отступит, будет давить на «слабо». Сиплый, как обычно, сделал вид, что его не интересуют чужие споры и поспешил удалиться на почтительное расстояние.

– Тогда в чём дело? – не унимался Толстый. – Вперёд, братан!

Толик взял увесистый камень, лежащий недалеко от вход-

ной двери магазина. Им продавщица Ольга обычно подпира-
ла дверь, оставляя её открытой. Прицелился, бросил. Со зво-
ном разбилось стекло, завизжала потревоженная сигнализа-
ция. Толстый с Сиплым бросились врассыпную. Толик ни-
куда не побежал. Он чувствовал, что его всё равно найдут,
поймают, будут судить, только если он убежит, то срок будет
длиннее. Так и дождался приезда милиции, топчась на сту-
пеньках магазина.

Уже на суде, сидя на скамье подсудимых, он надеялся
на мягкость приговора. Толик не считал себя злостным пре-
ступником: признался, раскаялся, сотрудничал со следстви-
ем. Вот только одно обстоятельство тревожило его: по ре-
зультатам ревизии в магазине обнаружилась большая недо-
стача. На допросах следователь каждый раз спрашивал одно
и то же: «Что ты, Толик, прихватил с собой из магазина?»
Получая отрицательный ответ, умолкал, а однажды прого-
ворился, что срок зависит от того, насколько Толик говорит
правду. И он ждал оглашения приговора, желая всем серд-
цем, чтобы скорее закончился этот кошмар.

Но пытка продолжилась, когда судья вызвала Ольгу, ту са-
мую продавщицу из магазина.

– Удалось ли выявить факт недостачи товара после про-
никновения подсудимого в магазин? – задала свой вопрос
судья.

Ольга опустила глаза, было заметно, как у неё задрожали

руки. Её минутное молчание показалось Толику вечностью. Он вдруг почувствовал, что сейчас должно случиться что-то плохое. Сердце его забилося, застучало, зарвалось. Ольга вся напряглась, стараясь заглушить в себе озлобленный крик заведующей: «Недостача есть, и она большая. За такую сумму кто-то ответить должен. Так что решай сама, кто будет отвечать: ты проторговавшаяся или Толик проворовавшийся». Сработал инстинкт самозащиты, и Ольга выдохнула:

– Недостача была.

Как летят под откос поезда, Толик видел в фильмах про войну. Смотрел на экран и вздыхал: «Хорошо, что товарняки. Страшнее, если бы вот так, по насыпи вниз – пассажирские». Он даже тогда и представить себе не мог, что должен чувствовать человек, находящийся в вагоне, сошедшего с рельс поезда.

АРМИЯ

– Фамилия, – майор даже не поднял на Толика головы.

– Хромов.

– Как же ты надоел мне, Хромов, – майор оторвал взгляд от бумаг. – Ты что меня измором взять решил? Я тебе уже тысячу раз повторял – судимость у тебя пока не закрытая. Как только всё устаканится, мы тебя сразу в армию заберём, ты только не передумай к тому времени. Иди, Хромов, не пудри мне мозги.

– Я завтра опять приду. Вы же знаете. Может, не будем мучить друг друга, решим зараз все вопросы.

– Чего решать-то, Хромов. То, что ты в армию хочешь, я уже слышал. Отвечаю – пока не положено.

– Я в Афган пойду, только возьмите.

– Ух ты, – майор присвистнул, – тебе чего на малолетке мозги что ли отшибли, если ты сам решил под пули пойти? Или ты думаешь, там наши пацаны с душманами в бирюльки играют?

– Мозги на месте, – процедил сквозь зубы Толик, – про бирюльки не думал. Отдать долг Родине хочу.

– А ты что, у Родины занял что ли? – заржал майор, потом улыбка сошла с его лица. – Сядь, Хромов. Рассказывай, что тебя так на службу приспичило?

– Мне восемнадцать. В этом возрасте всех нормальных

пацанов в армию забирают. Да, я – ненормальный, но не ходить же мне всю жизнь с этим клеймом. Заберите меня на службу, прошу Вас. Я же знаю, что в Афганистан можно даже добровольцем уйти. Я на любой расклад согласен.

– Чудной ты, Хромов, – майор задумался. – Приходи завтра после обеда. Хотя – нет, ближе к вечеру приходи. Может, помогу тебе чем-нибудь.

ПО ДОРОГЕ ДОМОЙ

Из Афганистана Толик первым делом направился в Термез. Город был приграничным, и он решил остановиться здесь ненадолго, чтобы купить подарок матери и немного посмотреть, как живут люди в местах, далёких от его родной земли.

Шофёр, который должен был доставить Толика на территорию базы пограничного патруля, оказался малым разговорчивым, и всю дорогу рассказывал своему пассажиру о Каратепе. Каратепа по его словам – это место преклонения всех буддистов, которое как раз и находится на этой самой базе, куда должны были они вскоре прибыть.

Закончив с оформлением необходимых документов, Толик направился на знакомство с Чёрными холмами.

– Ты, к северному холму путь держи, там старый монастырь найдёшь, а дальше сам всё увидишь, – помахал ему вслед шофёр, с которым Толик успел подружиться.

– Спасибо, – поблагодарил Толик и двинулся в путь.

Шёл неспеша, наслаждаясь тишиной. Толик и сам того не заметил, как оказался возле какого-то странного сооружения. Взгляд его хотел было устремиться вверх, но тихий звук, донёсшийся из глубины древней арки, заставил Толика поглядеть в другом направлении. В итоге так никого и не увидев, он решил идти дальше. Минуя арку за аркой, То-

лик вышел на сравнительно открытую площадку и внезапно для себя возле одной из полуразрушенных пещер, заметил девушку. Она так увлечённо пыталась разобрать какую-то вытертую временем надпись, сделанную на непонятном языке, что даже не заметила, как он подошёл.

– Привет! – стараясь не напугать её, сказал Толик, но девушка всё равно вздрогнула от неожиданности, поглядела на него и вдруг краска залила её лицо:

– Ассаламу алейкум, – потом заулыбалась. – Салом!

– Меня зовут Анатолием, – Толик хотел было протянуть ей руку, но вовремя сообразил, что перед ним девушка, – а тебя?

– Так нельзя, – смутилась она, – я лучше пойду.

– Хорошо, тогда я пойду вслед за тобой, – уверенно сказал Толик, – но тебе всё равно придётся сказать мне своё имя. Иначе как я тебя потом найду?

– Меня зовут Зилола, – представилась она. – Зачем ты хочешь меня искать?

– Я хочу жениться на тебе, Зилола.

– Какой быстрый, – Зилола покраснела. – Ты ведь и не знаешь меня вовсе, видишь первый раз. Разве так можно звать девушку в жёны? Для этого нужна любовь.

– Так ты мне нравишься очень, я тебе разве этого ещё не говорил? Вот я, балбес, – Толик хлопнул себя по лбу. – А ты на самом деле согласилась бы выйти за меня замуж?

– Так нельзя, – тихо проговорила Зилола, и повернулась,

чтобы уйти, но Толик поймал её за руку.

– Я солдат, Зиля. Из Афгана вот, домой возвращаюсь. Решил малость мир поглядеть по пути к дому, и вот тебя встретил. Ты не бойся меня, не убегай, я тебя пальцем не трону. Мог бы, конечно, и насильничать, я слабого пола уже два года не видал, но не хочу. Не зверь же я, чтобы по инстинктам жить. Надо как-то по-людски, по совести. Да и нравишься ты мне очень. Выйдешь за меня замуж, Зиля?

– Да, – не поднимая глаз, тихо прошептала Зилола, – но одна я этого решить не могу. Брат у меня есть, он за меня отвечает. Я без его благословения шагу ступить не могу.

– Тогда веди меня к своему брату, – решительно сказал Толик, – как, кстати, его зовут?

– Шавкат. Только как мы в городе вдвоём появимся? Так нельзя. Шавкат рассердится.

– А мы сделаем хитро. Ты, Зиля пойдёшь далеко впереди меня, чтобы ни один встречный ничего не заподозрил. Когда в дом зайдёшь, ты Шавкату про меня ничего не говори, мы с ним, по-мужски беседовать будем. Как там по вашему «здравствуйте»?

– Ассаламу алейкум! – улыбнулась Зилола. – Ты смелый и честный, ты понравишься Шавкату.

Путь до Зилиного дома показался Толику очень длинным. Когда жаркую пустынную дорогу сменили городские зелёные улочки, он выдохнул облегчённо: «Слава Богу!» Ми-

новав крашенный забор, за которым в тени деревьев уютно стоял небольшой домик, Зия оставила калитку приоткрытой, а сама скрылась в доме. Толик остановился у той самой калитки, поглядел по сторонам и проговорив про себя: «Где наша ни пропадала», зашёл во двор. Навстречу ему вышел крепкий мужичок в тибетейке и вопросительно уставился на гостя.

– Ассаламу алейкум, – произнёс Толик. Мужчина ничего не ответил, только кивнул в знак приветствия и спросил:

– Каким ветром тебя занесло в мой дом, солдат? Заблудился?

– Нет, – решительно ответил Толик, – дело у меня к Вам. Если только Вы – Шавкат.

– Да, меня зовут Шавкат, – мужчина насторожился. – Раз дело у тебя ко мне, то заходи в дом. На пороге дела не решаются.

В доме было расслабляющее-прохладно. Шавкат предложил Толику сесть и велел сразу переходить к делу. Толик, не мешкая, начал:

– Знаю я, Шавкат, что есть у тебя сестра. Так вот хочу я на ней жениться.

– Вот как? – удивился Шавкат, но Толик перебил его.

– Я солдат. Службу проходил в Афганистане. Вчера демобилизовался. По дороге домой решил немного мир поглядеть, поэтому забрёл в Каратепе. Там и увидел твою сестру. Ты веришь в любовь с первого взгляда, Шавкат? Я тоже

не верю. А вот глянул на Зилю, и упала она мне на душу. Сам я родом с центральной полосы России. Хочу сестру твою с собой забрать, на Родину, но без твоего согласия, Шавкат, этого делать не стану.

– А Зилола что?

– Ты у неё сам спроси, Шавкат. Ни к чему мне тебе её слова передавать. Вот только одна беда у меня, не могу я тебе за невесту калым заплатить. Нет у меня ничего. Из имущества – есть дом, из родственников – мать. Вот, пожалуй, и всё.

– Мать – это хорошо, – вздохнул Шавкат. – Мы с Зилолой родителей лишились, когда она ещё маленькой девочкой была. С тех пор я ей и за мать, и за отца. Когда я на Гуле своей женился, думал, что легче станет. Какой там! Не поладили мои женщины между собой. Так что, Зилола, думаю, с лёгким сердцем за тобой поедет. К ней, правда, недавно сватался соседский парень. У них хозяйство большое, им женские руки нужны. Зилола работы не боится, всё умеет делать. Мы у Юсуфа отсрочку попросили на время. Осенью нам перед ним ответ держать. Зилола время тянет, не нравится ей Юсуф. Но отпустить сейчас с тобой Зилолу не могу. У народа молва недобрая пойдёт, мы тут друг у друга все на виду. Приезжай в конце августа в Самарканд, если не передумаешь. На вокзале нас жди. Я скажу, что Зилолу в университет повезу. Как встретимся, я тебе сестру из рук в руки передам.

– Добро, Шавкат. А сейчас, напоследок, Зилю позови, по-

жалуйста. Мне ей пару слов сказать нужно, – Шавкат хотел было запротестовать, но Толик перебил его. – Только пару слов. И я уйду.

Шавкат скрылся в соседней комнате, вскоре оттуда появилась раскрасневшаяся Зилола.

– Толя, ты...

– Я обещал брату, что не задержусь, поэтому послушай меня. Я не простой солдат. В моём прошлом много чего. Я вор, Зиля. Говорю это тебе сейчас, чтобы ты хорошо подумала, прежде чем связать со мной жизнь. Я не хочу начинать с недоговорок и вранья. А сейчас я ухожу. Я вернусь за тобой к осени, обещаю.

Уходя, Толик заметил слёзы в её глазах и не понял причину их появления. Может так вышло наружу разочарование от его признания, может – грусть от прощания, а может – жалость к себе. Как бы там ни было, Толик покидал дом с надеждой, что осенью Шавкат привезёт Зилию на встречу с ним.

Проскитавшись до вечера по Термезу, Толик вышел за город на трассу. Ему посчастливилось остановить грузовик, идущий в Ташкент. Водитель, пожилой мужчина, оказался русским по национальности и долго удивлялся Толикову «крестовому походу». В Ташкенте он высадил его недалеко от автовокзала и объяснил где найти место, от которого отправляются туристические автобусы на Саратов. На том и распрощались.

На вокзале возле палатки с лавашами, Толика обступила толпа цыганок. Они что-то залопотали на местном, на что Толик ответил:

– Не понимэ, ни бельмеса!

– Дай погадаю, служивый, – одна из цыганок быстренько перешла на русский, – всю правду расскажу. Ничего не утаю. Что было, что будет – всё знаю.

– Что будет, я и без тебя, милая, знаю. А вот о том, что было, если правду расскажешь, то позолочу ручку. А? Слабо?

– Зачем ты, служивый, Мучу хочешь обидеть? Муча всё видит! – цыганка схватила Толика за руку, закрыла глаза и что-то быстро забормотала. Потом вперила свой хищный взгляд Толику в лицо и произнесла. – Дом казённый вижу. Он тебя по жизни преследует. Ты от одного дома к другому кочуешь. Плохие это дома. А если ещё раньше глянуть, то вижу как ты малец кричишь. Взрыв страха в тебе, он переходит в этот громкий крик. И кровь везде: на полу, на стенах, на тебе, на женщине, что рядом с тобой. Это мать твоя. На ней больше всего крови.

– Хватит, Муча – прошептал побледневший Толик. Он вытащил деньги, спрятанные во внутренний карман, и протянул цыганке. – Возьми сколько хочешь.

– А не буду я у тебя ничего брать. Не грусти, солдатик! Жизнь наладится у тебя. Сейчас поехали к нам в шатры на равнину. Праздник у нас сегодня. Будем песни петь.

– А, поехали, – согласился Толик. И понесла его жизнь

дальше...

Добрался Толик до дома только к июлю. Анна ладила топор, собиралась идти за дровами в соседнюю лесополосу, когда сын встал перед ней на пороге. «Мамка!» – только и смог произнести Толик, а она и вовсе упала ему на грудь и заплакала. Со слезами уходила беспричинная боль, грызущая изнутри тревога. Взамен им пришло облегчение и надежда на то, что жизнь обязательно должна наладиться.

ЖЕНИТЬБА

Последний летний месяц перевалил за середину. По утрам на луга уже выпадали холодные росы, дни стали короче и прохладнее. Близился медовый спас – праздник сладкий от тягучего карамельного мёда, хмельной от медовухи.

– Мам, я сказать тебе чего-то должен, – Толик мялся, копался ложкой в густой каше.

– Раз должен, то говори, – Анна пристально поглядела на сына. – Ты ведь давно чего-то удумал, только разговор начать никак не можешь. Я тебя насквозь вижу.

– Жениться хочу, мам.

– Жениться – это хорошо. Было бы только на ком жениться. Я что-то рядом с тобой женского пола пока не видела. Или обрюхатил кого втихаря?

– Нет же, мама, – Толик затряс головой, – придумаешь тоже. Когда же я мог успеть-то?

– Сейчас скороспелок пруд пруди. Но ты в голову не бери, нет – так нет. Невесту когда показывать будешь?

– Ну, – Толик замялся, – не из местных она. Я к тому разговор и завёл – смотаться мне кое-куда надо. Встретиться мы с ней договорились в конце лета, если не передумаем.

– Ты, гляжу, не передумал? – улыбнулась Анна.

– Я – нет. Теперь слово за ней.

«Золотая моя мать, – думал Толик, сидя в поезде. – Верит мне, понимает с полуслова. Ни грамма сомнения в глазах не прочитал, когда сказал, что должен жениться. Раз мужик решил, значит не надо ему перечить. Может, оно и правильно. Что толку пытаться недоверием, да сомневаться в правильности выбора?»

Так в первый день пути и заснул с мыслями о матери. Последующие дни были похожи один на другой: поезд погромыхивал на стыках путей, дребезжала ложка в стакане с остывшим чаем. В последнюю ночь Толик видел сон о том, как ведёт его Зиля по Каратепским лабиринтам. Солнце светит ярко, каждый камень ласкает. Вдруг Зиля останавливается, поворачивается к нему лицом и говорит, что мол, не знает куда идти дальше, что заблудились они. И слёзы блещут у неё на глазах.

Сон оборвался внезапно – проводница зычным голосом объявила прибытие в Самарканд. Толик быстро собрал свои вещи и окрылённый направился к выходу из вагона, навстречу своей судьбе. Вышел на перрон, огляделся. Среди толпы встречающих ни Зилолы, ни Шавката не было. Когда перрон опустел, Толик, разочарованный, присел на скамейку, закрыл глаза, подставил лицо жаркому азиатскому солнцу и подумал: «Да, так и должно быть. Испугалась Зилька за вора замуж выходить. Так ведь, и правильно. Сколько у неё их ещё будет женихов-то порядочных? Зилька краси-

вая, на ней любой жениться захочет!» И в этот момент услышал прямо у себя над ухом:

– Ассалямю алейкум, Толя. Ты прости нас, что мы тебя ждать заставили.

– Зилька, – Толик обернулся, хотел было схватить Зилолу в охапку, закружить её от радости, но заметив настороженный взгляд Шавката, только и произнёс: – Ва алейкум ас сальям. Я рад, что вы приехали.

– Ну, что Анатолий пойдём? – подал голос Шавкат.

– Куда? – не понял Толик.

– В ЗАГС, куда же ещё? Ты же вроде хотел жениться на моей сестре?

– Я и сейчас хочу, оттого и приехал сюда за ней.

– Значит, сейчас мы отправимся на регистрацию, а потом я провожу вас с Зилолой на поезд. В дорогу отправитесь как муж и жена.

Работница ЗАГСа – давняя знакомая Шавката – прежде чем приступить к регистрации, проводила Зилолу и Толика в отдельную комнату, подготовиться к церемонии. Зилола скрыла лицо под фатой, которую извлекла из небольшой дорожной сумки, а Толику протянула халат, расшитый золотой парчой.

– Надень.

– А это что? – Толик с интересом рассматривал халат.

– Это чапан. По нашим обычаям жених надевает его

на свадьбу. Тётя Динора хоть и согласилась расписать нас без углубления в традиции, но мне бы хотелось, чтобы ты надел чапан. Я его сама вышивала для тебя.

– Конечно, надену, не сомневайся. Хочешь, я и домой в нём поеду, ты только скажи.

– Не надо, – рассмеялась Зилола.

Через некоторое время в комнату молодожёнов заглянул Шавкат и сообщил, что всё готово к церемонии. Зилола вышла первая. Проходя мимо Шавката, Толик остановился и тихо спросил:

– Как будет по-вашему «я люблю тебя»?

– Мен сени яхши кураман, – с лёгкой грустью ответил Шавкат.

– Мен сени яхши кураман, Зилька, – Толик опрометью выскочил за своей невестой.

То, что случилось дальше, было больше похоже на крутящуюся стремительно пластинку. События сменяли друг друга, словно коротенькие песни, записанные наспех и кое-как. Три дня дороги обратно пролетели словно короткий миг.

– Вот моя берлога, – Толик развёл руки в стороны, – располагайся, жена.

– Жена, – повторила за ним Зилола и заулыбалась. – Мамы твоей нет дома?

– Мать на работе, Зилька. Вернётся к вечеру. Так что – хо-

зайничай. Давай пока ужин приготовим к её приходу? – Толик чмокнул Зилолу в припухшие от поцелуев губы, потёрся носом о её щёку и прошептал: – Мен сени яхши кураман...

– Толя, – Зилола поглядела на новоиспечённого мужа с долей укоризны, – ну, хватит тебе. Во сколько мама вернётся?

– Скоро уже, – отозвался Толик, глянув на часы, висевшие на стене, – через пару часиков придёт.

– Эх, успеть бы. Шурпа быстро приготовится, а вот с самой повозиться придётся, – озабоченно вздохнула Зилола, сняла с гвоздя, вбитого в притолоку, затёртый хозяйский фартук и принялась за дело.

Возле самого дома, у калитки, Анну встретил подвыпивший Штырь. Размахивая пустой бутылкой, он противно заржал:

– Ну, что Анька, в твоём семействе полосатиков прибыло. Когда прописывать девку будешь?

– Пропишу – тебя Штырь не спрошу, – в рифму ответила соседу Анна. – А чего ты там про полосатых говорил? Базарь давай.

– Ха, – хохотнул Штырь, – а тебя чего Толян с невесткой не знакомил? По глазам вижу, что не знакомил... Из этих она у тебя, Анька, которые на матрасы похожи и в тубетейках... Ты бы гнала её в три шеи, а то не ровен час бритоголовые прознают, окна порасшибают или подпалят.

– Разберусь, – буркнула Анна и толкнула дверь.

В общем коридоре пропахшего гнилью барака витали запахи еды. «С руками видать девка, – подумалось Анне. Она остановилась перед дверью в свою комнату и замешкалась. – Что делать? Что сказать?» За соседской дверью слышались крадущиеся Наташкины шаги, потом заскрипели несмазанные петли и раздался тихий шёпот:

– Чего у вас там, Анька? Случилось чего? Ты чего перед дверью стоишь, не заходишь?

– Всё нормально, Натаха. Я сама разберусь, – не глядя на соседку сказала Анна и дёрнула ручку на себя.

Толик, завидев мать, мигом соскочил с табурета, на котором сидел, и приветливо заулыбался.

– Мамка, а мы тут с Зилькой ужин готовим – самсу лепим, – не получив ни слова в ответ, пожал плечами и спросил: – Ты чего, мам?

Анна молчала, только дышала часто-часто, словно загнанная в клетку зверь. Было видно, как хотела что-то ответить сыну, но никак не могла отвести глаз от полосатых шаровар невестки. Потом долго смотрела, как та, не смея поднять взгляда на новоиспечённую свекровь, неловко пытается отряхнуть припорошенные мукой тонкие пальцы. И только когда, задымилась разогревающаяся на плите сковорода, прошла сквозь кухню, отодвинув плечом стоящего на её дороге сына, и на ходу произнесла:

– Весь запас продуктов ухнуть решили? Чего жрать

до конца месяца будем?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.